B 130
971

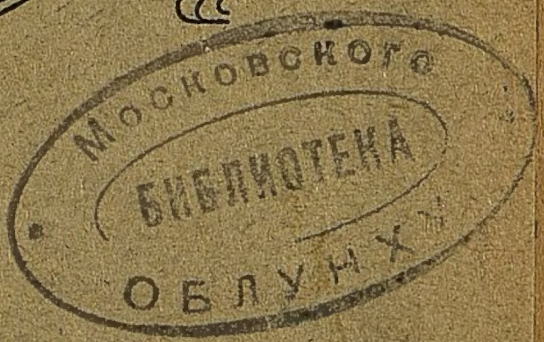
П. 2 29

Д. С. Дмитровскій (Псевдонимъ) и Гр. М. М. Перовскій-Петрово-Соловово.

5998 В130971

„За“ и „Противъ“.

(„Русская Будущность“ отъ 5-го, 11-го и 26-го Марта 1916 г.).

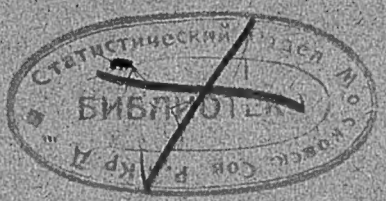


ПЕТРОГРАДЪ,
Типографія „Желѣзнодорожныхъ изданій“, Моховая, 37.
1916.

2-29 В130 971

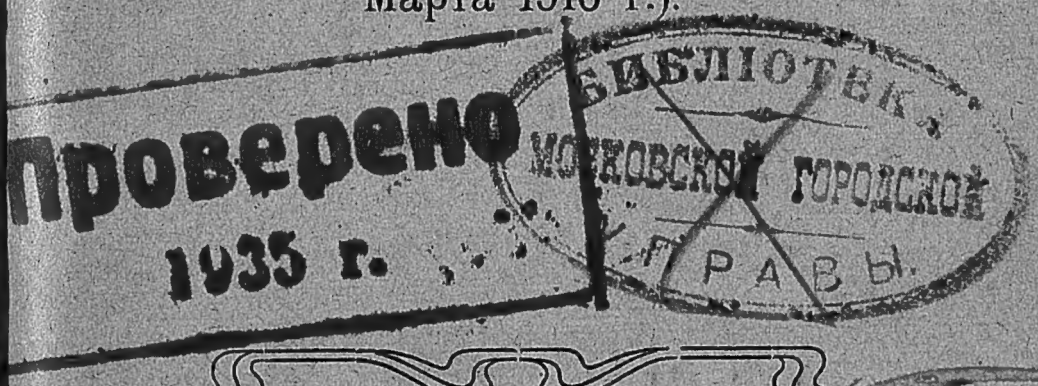
Д. С. Дмитровскій (Псевдонимъ) и Гр. М. М. Перовскій-Петрово-Соловово.

3998



„За“ и „Противъ“.

(„Русская Будущность“ отъ 5-го, 11-го и 26-го Марта 1916 г.).



ПЕТРОГРАДЪ,
Типографія „Желѣзнодорожныхъ изданій“, Моховая, 37
1916.

1-й экз

Дозволено военной цензурой 16 Апрѣля 1916 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
735411

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ
УПРАВЫ.

Славянофильство, какъ политика реальныхъ интересовъ.

Въ Парижѣ торжественно открылось общество изученія славянскихъ народностей. Въ Лондонѣ основанъ и успѣшно функціонируетъ Институтъ славяновѣдѣнія. Пріѣзжіе изъ Франціи и Англіи говорятъ, что наши западные союзники теперь сплошь становятся славянофилами. А мы?—Равнодушіе нашихъ политическихъ и общественныхъ круговъ, нашего правительства, законодательныхъ учрежденій и прессы къ славянскому вопросу таково, что сербы и чехи предпочли образовать особые комитеты для пропаганды юго-славянской и чешско-словацкой національныхъ идей въ Парижѣ и Лондонѣ, а не въ родномъ имъ, казалось бы, Петроградѣ. Предпочли, конечно, съ болью въ сердцѣ: стоитъ послушать только, что объ этомъ говорятъ хотя бы, напримѣръ, въ Петроградскихъ чешскихъ кругахъ.

Послѣ вынужденнаго перерыва, вновь начала свою дѣятельность Государственная Дума. Съ ея каѳедры, какъ всегда, было сказано много великихъ словъ. Будемъ надѣяться, что, не въ примѣръ прошлому, результатомъ этихъ великихъ словъ не будутъ слишкомъ маленькія дѣла. Но прпходится съ грустью констатировать, что по славянскому вопросу

и великихъ словъ не было сказано. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать таковыми тѣ расплывчатыя, точно какія-то боязливыя обѣщанія, которыя даны полякамъ, и заявленіе г. Сазонова, что, хотя и немногочисленны спасенные на островѣ Корфу остатки сербской арміи, но они крѣпки духомъ и „въ этой силѣ духа лежитъ вѣрный залогъ возрожденія Сербіи". Только въ этомъ? А ея союзники, по винѣ которыхъ (какъ это былъ вынужденъ признать самъ г. Сазоновъ) *), Сербія теперь уничтожена?

Рѣчь г. Сазонова, какъ обыкновенно всѣ рѣчи министровъ въ нынѣшней Государственной Думѣ, несмотря на образовавшійся въ ней опозиціонный прогрессивный блокъ, была, конечно, покрыта аплодисментами. Видно, трудно русскимъ людямъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ вѣковыхъ привычекъ по отношенію къ представителямъ власти, Но, отчасти, въ одной изъ рѣчей послѣдующихъ ораторовъ (Е. П. Ковалевскаго), а, потомъ, въ печати и въ общественномъ мнѣніи, и слова, и политика г. Сазонова нашли себѣ нѣсколько иную оцѣнку. Однако, и въ прессѣ, и въ общественныхъ политическихъ кругахъ недостаточно ярко оттѣняется то, что наиболѣе важно въ создавшейся нынѣ политической конъюнктурѣ — вопросъ о будущемъ славянскихъ народностей.

---

*) Союзная дипломатія, во главѣ съ русской, какъ извѣстно, не позволила Сербіи открыть военныя дѣйствія противъ Болгаріи тогда, когда Болгарія не успѣла еще мобилизоваться и была бы легко разбита.

Говорятъ, цѣль войны — окончательный разгромъ, „обузданіе“ Германіи. Г. Сазоновъ жалѣетъ Германію и готовъ ограничиться разгромомъ одной Пруссіи. Будемъ надѣяться, что добротѣ его мягкаго сердца въ свое время укажутъ какой нибудь другой выходъ, и обезврежена будетъ не одна только Пруссія, но и вся Германія. Пора, наконецъ, перестать вѣрить той сказкѣ, которую усиленно намъ разсказываютъ всѣ наши явные и тайные германофилы, будто въ чудовищномъ стремленіи поработить міръ виноватъ только Вильгельмъ да прусское юнкерство. Вильгельмъ—не Наполеонъ, это совсѣмъ не геній, ведущій за собой народы. Идеалы прусскаго юнкерства совсѣмъ не такъ уже отличны отъ обще-нѣмецкихъ идеаловъ. Въ Вильгельмѣ и въ прусскихъ юнкерахъ только особенно ярко выражено то, что, къ сожалѣнію, сродно душѣ каждаго зауряднаго нѣмца. Я говорю „зауряднаго“, такъ какъ не могу забыть, что у нѣмцевъ были люди, которыми, справедливо, гордится человѣчество. Но это были исключенія. И вспомните, какъ они сами отзывались о своихъ соотечественникахъ (напримѣръ, характерные отзывы о нѣмцахъ Гейне, Ницше...). Германцевъ, какъ развитой и культурный народъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя представить себѣ какимъ-то стадомъ барановъ. Вильгельмъ и К° не могли бы вести Германію куда имъ вздумается, если бы этотъ путь былъ нѣмцамъ такъ же отвратителенъ, какъ другимъ лучшимъ народамъ. Пора, повторяю, покончить съ этой германофильской сказкой. За-

дачей настоящей войны должна быть не ссылка Вильгельма на какой-нибудь островъ св. Елены (слишкомъ много чести для него!), а обезвреженіе всего германскаго народа, слишкомъ зараженнаго духомъ насилія, слишкомъ далекаго отъ тѣхъ идеаловъ свободы, братства и равенства, которые являются идеалами христіанской культуры.

Какимъ же путемъ можно достигнуть этого обезвреженія? Справедливо указываютъ, что уничтожить 70-милліонный германскій народъ (не только въ буквальномъ смыслѣ, но и въ смыслѣ политической самостоятельности) и невозможно, да и не соотвѣтствовало бы тѣмъ принципамъ, во имя которыхъ нами ведется война. Если же мы начнемъ раздумывать о болѣе осуществимыхъ и цѣлесообразныхъ мѣрахъ, которыми можно обезпечить Европѣ мирную и свободную будущность, то мы ясно увидимъ, что лишь путемъ справедливаго разрѣшенія славянскаго вопроса мы можемъ разрѣшить и вопросъ о гарантіи человѣчества отъ повтореній въ будущемъ насилій со стороны той шайки разбойниковъ, въ которую превратился въ послѣднія десятилѣтія германскій народъ. Лишь постепенно, путемъ долгой духовной эволюціи, будутъ отрѣшаться нѣмцы отъ своихъ насильническихъ идеаловъ. Грядущее пораженіе, которымъ неизбѣжно должна кончиться для нѣмцевъ война, конечно, заставитъ ихъ задуматься. Но народная психологія сразу не мѣняется. И было бы до преступнаго неблагоразумно не принять мѣръ къ тому, чтобы въ будущемъ у Германіи не могло явиться безумной мысли воскре-

сить попытку свою нѣмецкую силу поставить выше общечеловѣческаго права. Миръ не будетъ обезпеченъ, пока нѣмцы не будутъ поставлены въ такія условія политическаго существованія, чтобы и для ихъ тяжело соображающихъ головъ не стало совершенно ясно, что всякая ихъ попытка воскресенія милитаризма и новыхъ завоеваній будетъ заранѣе обречена на неизбѣжный провалъ и въ результатѣ поведетъ лишь къ еще большему разгрому ихъ благосостоянія.

Всѣ германскія мечты о міровой гегемоніи были основаны на слабости и разрозненности славянскихъ народовъ. Двѣ державы стояли препятствіемъ къ осуществленію германскихъ замысловъ. Это—Англія съ ея морскимъ могуществомъ, и Россія.

Франція, великая своимъ геніемъ, но несравненно болѣе слабая, чѣмъ Германія, въ отношеніи грубой матеріальной силы, не могла быть страшна нѣмцамъ одна, безъ союзниковъ.

Благодаря своему островному положенію и силѣ своего флота, Англія въ Европѣ трудно уязвима. Россія сдѣлалась бы непобѣдимой, если бы осуществилась мечта о славянскомъ объединеніи, если бы Россія получила свободный выходъ въ Средиземное море, и, конечно, если бы наши внутренніе порядки измѣнились къ лучшему. Мы не будемъ здѣсь касаться всего того, что дѣлалось нѣмцами (не исключая и нашихъ прибалтійцевъ), съ цѣлью помѣшать развитію болѣе совершеннаго политическаго строя въ Россіи. Не будемъ вспоминать и попытку погубить Россію вовлече-

ніемъ ея въ дальне-восточную авантюру, предпринятую всецѣло подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Мы напомнимъ только, какъ систематически всегда германцы ссорили насъ со славянами, начиная съ перваго раздѣла Польши и кончая послѣдней балканской войной. Вспомнимъ, съ какой ненавистью наши внутренніе нѣмцы относились и относятся къ славянофильству. Ни одно теченіе русской политической мысли не встрѣчало столько и злобной критики, и насмѣшекъ, и показного презрѣнія. И, какъ во многомъ другомъ, маловоспитанная и, по условіямъ нашего внутренняго распорядка, въ значительной мѣрѣ атрофированная русская политическая мысль легко поддавалась германофильскимъ внушеніямъ.

Завѣтной, послѣдовательно и энергично проводимой цѣлью германской политики было пресловутое стремленіе на востокъ — „Drang nach Osten". И это вполнѣ понятно. Кромѣ непосредственной выгоды—покоренія богатыхъ областей и завоеванія обширныхъ рынковъ для сбыта произведеній своей промышленности, германцы, захватывая славянскія страны Балканскаго полуострова, укрѣпляясь въ Константинополѣ, слѣдуя далѣе въ Малую Азію, Месопотамію и Персію, наносили вѣрные и сильные удары могуществу Россіи и Англіи одновременно. Они знали, что свободные славянскіе народы рано или поздно явятся естественными союзниками Россіи противъ нѣмецкой опасности. Заковывая ихъ въ австрійскія цѣпи или дѣлая фактически своими вассалами при помощи Кобургскихъ принцевъ, германцы уничтожали возможность усиленія

русскаго могущества путемъ единенія съ народами, родственными и по крови, и по духу, и по вѣрно понятымъ политическимъ и экономическимъ интересамъ. Закрывая Россіи проливы, германцы больно били по интересамъ и русской торговли, и военно-морской обороны русскаго государства. Въ то же самое время, утверждаясь въ Азіи между Индіей и Египтомъ, германцы сводили на нѣтъ все могущество и всю неуязвимость Англіи.

Недаромъ планъ „движенія на востокъ“ былъ разработанъ геніальнымъ Бисмаркомъ: на немъ были построены всѣ дипломатическія надежды германцевъ, и, въ самомъ дѣлѣ, онъ открывалъ имъ такія возможности, отъ которыхъ у нихъ не даромъ кружилась голова.

Славяне стали на самомъ пути этого движенія на востокъ. Какъ же нѣмцамъ было не стараться изо всѣхъ силъ, всѣми явными и тайными средствами, и силой, и хитростью, ссорить славянъ между собою, ссорить ихъ съ Россіей и не забирать въ свои цѣпкія руки при помощи той, съ точки зрѣнія здраваго политическаго смысла куріозной, „лоскутной“ имперіи, которая называется Австро-Венгріей?

Въ іюлѣ 1914 года общеевропейская война началась изъ-за Сербіи. Конечно, убійство австрійскаго наслѣднаго принца было не причиной войны, а только поводомъ. Наивно было бы думать, что, не будь этого убійства, Германія признала бы всѣ свои сорокалѣтнія приготовленія къ войнѣ ошибкой и отказалась бы отъ своихъ завоевательныхъ замысловъ, отъ своего „Drang nach Osten“. Черезъ нѣкоторое время былъ бы выисканъ другой пред-

логъ напасть на Россію и Францію—и только. Точно такъ же было бы наивно думать, что если бы Вильгельмъ не нарушилъ нейтралитета Бельгіи, то Англія спокойно смотрѣла бы на разгромъ своихъ нынѣшнихъ союзницъ и не нашла другого предлога вмѣшаться въ войну. Выступивъ на защиту Сербіи, Россія выступила на защиту свою, своей самостоятельности, своей великодержавной будущности. Точно такъ же, Франція и Англія воюютъ, прежде всего, за свои собственные интересы, такъ какъ ясно поняли, что нельзя было позволить германскимъ хищникамъ разбивать одно государство за другимъ по одиночкѣ: только сплотившись, можно надѣяться на успѣхъ. Въ политикѣ меньше всего приходится сантиментальничать, естественнѣе всего руководствоваться „здоровымъ эгоизмомъ". И, конечно, не съ благотворительной цѣлью была начата нынѣшная война. Но тѣмъ лучше, что наши эгоистическіе интересы, интересы самосохраненія въ будущемъ, охраненія нашихъ дѣтей отъ ужасовъ новыхъ войнъ—совпадаютъ съ интересами высшей справедливости, съ защитою слабыхъ народностей, съ утвержденіемъ началъ права въ международной жизни. Не ради идеальныхъ стремленій отвлеченнаго славянофильства начала Россія нынѣшнюю ужасную войну. Но историческія судьбы Европы такъ сложились, что войну пришлось начать все-таки подъ знаменемъ славянофильства. И наши интересы требуютъ, чтобы подъ этимъ знаменемъ война и окончилась.

Теперь еще рано говорить о мирѣ. Конецъ войны, повидимому, еще не близокъ. Но мы

должны знать цѣли, съ которыми мы ведемъ войну, должны ясно понимать наши задачи. И мы должны твердо себѣ усвоить, что только путемъ освобожденія всѣхъ славянскихъ народовъ изъ подъ власти нѣмцевъ можетъ быть достигнутъ тотъ дѣйствительный разгромъ нынѣшней Германіи, безъ котораго война не будетъ доведена до своей конечной цѣли.

Мы видимъ, что Австро-Венгрія служила германскимъ орудіемъ порабощенія славянъ, авангардомъ въ движеніи на Востокъ. Поэтому, прежде всего, надо разбить это орудіе. Австро-Венгрія должна перестать существовать какъ одно цѣлое, непремѣнно должна быть раздѣлена на отдѣльныя самостоятельныя государства, соотвѣтственно населяющимъ нынѣшнюю имперію Франца-Іосифа отдѣльнымъ народностямъ. Германскій народъ и послѣ войны останется великимъ 70-милліоннымъ народомъ и, несомнѣнно, въ той или иной формѣ, объединится, если даже результатомъ войны будетъ временное распаденіе германской имперіи. Идея германскаго единства такъ твердо усвоена всѣми нѣмцами и на самомъ дѣлѣ такъ естественна и понятна, что ее, конечно, ничто не будетъ въ состояніи уничтожить. Объединенные же нѣмцы составятъ и въ будущемъ такую внушительную силу, что увеличивать ее еще больше, оставляя въ ихъ владѣніи страны, населенныя иноплеменными народами, было бы слишкомъ очевидной опасностью.

Но, какъ ни очевидна, казалось бы, эта опасность, идея сохраненія Австро-Венгріи имѣетъ и на Западѣ, и даже у насъ своихъ

сторонниковъ, преимущественно, среди дипломатовъ. Трудно сказать, чѣмъ это можетъ быть объяснено. Злые языки говорятъ, что представители дипломатическаго вѣдомства боятся сокращенія числа посольскихъ вакансій въ Европѣ, подозрительные люди видятъ въ этомъ тайныя германофильскія внушенія. Вѣрнѣе же всего видѣть здѣсь ту же дипломатическую прозорливость, которая за послѣднее время явила намъ столько блестящихъ доказательствъ своего.... отсутствія.

Австро-Венгрію боятся раздѣлить на отдѣльныя самостоятельныя государства, видите ли, потому, что это можетъ толкнуть чистонѣмецкія провинціи на полное соединеніе въ одно цѣлое съ Германіей и тѣмъ значительно ее усилить. Мечтаютъ Австро-Венгрію изъ двуединой монархіи превратить въ тріединую, выдѣливъ въ автономное государство, на одинаковыхъ правахъ съ Австріей и Венгріей, чешско-словацкія провинціи. Но не могутъ при этомъ сообразить, что, если всѣ три части, совершенно различныя (и даже враждебныя между собой) по населенію, будутъ пользоваться дѣйствительнымъ равноправіемъ, то онѣ неизбѣжно распадутся (какъ, напримѣръ, распались искусственно соединенныя между собой Швеція и Норвегія), такъ какъ ничто, кромѣ дипломатическаго каприза, связывать ихъ между собой не будетъ. Тогда всѣ старанія пропадутъ даромъ, и нѣмецкая часть Австріи, все-таки, въ концѣ концовъ, естественно и неизбѣжно соединится съ Германіей. Но по всей вѣроятности, будетъ гораздо хуже. Нѣмецкіе монархи, оставшіеся во

главѣ государства, будутъ достаточно вліятельными, чтобы, попрежнему, создать въ „лоскутной“ имперіи нѣмецкую гегемонію. И тогда Германія окажется усиленной не на однѣ чисто нѣмецкія провинціи Австріи, а на цѣлое большое государство, которое пойдетъ на поводу у Германіи и, кто знаетъ, пожалуй, попрежнему начнетъ служить нѣмецкимъ авангардомъ возобновившагося движенія на востокъ. Начнутся новыя смуты среди славянъ, новыя ссоры на Балканскомъ полуостровѣ... Всѣ хорошіе результаты войны могутъ быть поставлены на рискъ свестись ни къ чему. Я считаю мысль о сохраненіи имперіи Габсбурговъ одной изъ самыхъ ужасныхъ мыслей, которыя когда-либо зарождались въ дипломатическихъ мозгахъ, очевидно, размышляющихъ слишкомъ уже.... своеобразно.

Ослабить Германію можно не искусственнымъ отторженіемъ отъ нея областей, населенныхъ такими же нѣмцами, какъ и все остальное ея населеніе. Изъ этого, повторяю, въ лучшемъ случаѣ ничего не выйдетъ, въ худшемъ—могутъ выйти очень печальныя послѣдствія. Отъ Германіи нужно отнять всѣ области съ иноплеменнымъ населеніемъ Это и цѣлесообразно, и справедливо. Но и въ данномъ случаѣ, важнѣе всего, опять-таки, осуществленіе славянофильскихъ желаній а, именно, возстановленіе объединенной Польши. Ни отходъ къ Франціи Эльзаса и Лотарингіи, ни безусловно желательный обратный переходъ во владѣніе Даніи Шлезвигъ-Гольштейна (вмѣстѣ съ нейтрализованнымъ Кильскимъ

каналомъ), ни даже раздѣлъ германскихъ колоній между Франіей, Англіей и Японіей *), ничто такъ не ослабитъ положенія Германіи въ Европѣ, какъ освобожденіе польскихъ областей и, какъ неизбѣжное слѣдствіе этого— отторженіе провинцій Восточной и Западной Пруссіи. Будущая карта Европы должна быть составлена такъ, чтобы политическія границы государствъ по возможности совпадали съ этнографическими. Только это обезпечитъ Европѣ прочный миръ. Но полнаго совпаденія не можетъ быть достигнуто, хотя бы потому, что населеніе пограничныхъ областей обыкновенно бываетъ смѣшанное изъ разныхъ національностей. Вполнѣ справедливо, чтобы всюду, гдѣ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, при установленіи политической границы придется до извѣстной степени отступить отъ строгаго соблюденія этнографическаго принципа, всѣ эти отступленія были никакъ не въ пользу германцевъ. И мнѣ кажется, поэтому, что древній Гданскъ не такъ чуждъ полякамъ, чтобы не сдѣлаться въ будущемъ ихъ морскимъ портомъ.

Существуетъ еще одно возраженіе противъ освобожденія народовъ, населяющихъ Австро-Венгрію. Говорятъ, свою свободу надо заслужить. За что мы будемъ освобождать, напримѣръ, трансильванскихъ румынъ и давать имъ возможность присоединиться къ Румыніи, если мы такъ и не дождемся отъ нея помощи.

*) Въ Германіи до войны были политики, доказывавшіе, что далекія африканскія и азіатскія колоніи только ослабляютъ Германію, ничего, въ сущности ей не давая.

Достаточно ли тѣхъ трехъ—четырехъ чешскихъ полковъ, которые намъ сдались безъ боя, чтобы забыть гораздо большее количество славянскихъ солдатъ Австро-Венгріи, хоть и плохо, хоть и нехотя, но все же съ нами сражавшихся. Одинъ изъ самыхъ искреннихъ славянскихъ дѣятелей (гр. Перовскій-Петрово-Соловово) съ горечью писалъ еще въ первую половину войны, когда распространились слухи о возможности заключенія сепаратнаго мира съ Австро-Венгріей: „Было бы неразумно проливать уже не потоки, но моря крови, нести тягость огромныхъ жертвъ и бросать на вѣтеръ милліарды исключительно ради „освобожденія“ народовъ, которые, какъ кажется, обнаруживаютъ весьма мало желанія быть освобожденными. Не хотите, господа, такъ Богъ съ вами. Политика—не педагогія.“

Меня всегда удивляли такого рода разсужденія. Именно потому, что политика не педагогія, мы должны преслѣдовать наши цѣли совершенно независимо отъ того, насколько благонравно ведутъ себя тѣ или иные народы, кто „пай-мальчикъ“ и потому заслуживаетъ награды, а кто—„бяка“ и потому послѣ войны долженъ быть оставленъ безъ сладкаго. Я уже не касаюсь вопроса о томъ, насколько, вообще, справедливо утвержденіе, что народы Австро-Венгріи не хотятъ освобожденія и мало реагируютъ на наши дѣйствія въ ихъ пользу. Всѣ послѣднія извѣстія, по крайней мѣрѣ, о чехахъ и сербахъ, говорятъ какъ разъ противоположное. Подымать же открытое возстаніе при режимѣ, господствующемъ теперь въ Австріи, не такъ-то легко.

Если мы захотимъ, по окончаніи войны, возстановить справедливость, то въ нашемъ распоряженіи, кромѣ скорпіоновъ политическихъ, есть еще скорпіоны экономическіе. И если мы тѣ народы, которые не раздѣлятъ съ нами тяготъ войны, но тѣмъ или инымъ путемъ, для нашихъ цѣлей, въ нашихъ интересахъ, получатъ что-нибудь при заключеніи мира, заставимъ принять большее или меньшее, по справедливому разсчету, участіе въ покрытіи военныхъ издержекъ, мы поступимъ весьма разумно. Какую, напримѣръ, тяжелую „виру“ придется заплатить болгарамъ за ихъ преступленіе!

Кстати о Болгаріи. Предательство болгаръ—большой козырь въ рукахъ противниковъ славянофильства. „Вотъ вамъ образецъ славянской благодарности“, говорятъ они. „Стоитъ, послѣ этого, проливать свою кровь за освобожденіе славянъ!“

Защитить болгаръ невозможно. Но нельзя же подъ вліяніемъ гнѣва, даже и вполнѣ справедливаго, закрывать глаза на истинное положеніе дѣла. Во-первыхъ, въ 1877 г. мы проливали кровь въ войнѣ съ Турціею не ради одного освобожденія болгаръ. Если бы за болгарами не было Царьграда и проливовъ, мы едва ли двинулись бы въ походъ. Освобожденіе болгаръ явилось лишь однимъ изъ этаповъ нашей вѣковой борьбы съ Турціей. Если бы на мѣстѣ болгаръ былъ другой народъ, ничего общаго со славянами не имѣющій, намъ пришлось бы освобождать его. Во-вторыхъ, расчитывать въ реальной политикѣ на какое-то чувство вѣчной благодарности и думать, что

оно будетъ настолько сильно, что выдержитъ всѣ тѣ печальной памяти эксперименты, которые мы потомъ продѣлывали съ болгарами, по меньшей мѣрѣ странно. Существуетъ мудрое правило—надо быть очень строгимъ по отношенію къ самому себѣ и очень снисходительнымъ по отношенію къ другимъ. Къ сожалѣнію, люди поступаютъ обыкновенно какъ разъ наоборотъ.

Но, повторяю, я не хочу оправдывать болгаръ. Я хочу только сказать, что разумная славянофильская политика, какъ и всякая, вообще, разумная политика, должна быть основана на интересахъ, а не на чувствахъ. Освобождая народы Австро-Венгріи и создавая въ тылу у германцевъ рядъ самостоятельныхъ государствъ, крѣпкихъ своимъ національнымъ самосознаніемъ и дорожащихъ своей свободой, мы, надо надѣяться, не будемъ ни стараться обратить ихъ въ русскія губерніи, ни сажать имъ на престолы нѣмецкихъ принцевъ, ни обманывать неисполненными обѣщаніями. А тогда и повтореній болгарской исторіи не будетъ. Свободные славянскіе народы будутъ всегда съ нами, хотя бы изъ-за одного страха передъ нѣмецкимъ реваншемъ, который сдѣлается возможнымъ, если славяне не будутъ жить въ дружномъ единеніи. По той же причинѣ останется всегда вѣрной Россіи и автономная Польша. Славяне должны быть славянофилами прежде всего, потому, что этого требуютъ національные интересы каждой отдѣльной народности—русскіе, польскіе, чешскіе и т. д.

Старые славянофилы мечтали о томъ, какъ „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ“. Да и въ какомъ еще морѣ—въ мутномъ морѣ русскаго дореформеннаго политическаго строя. Теперь подобной идеологіи, въ корнѣ противорѣчащей самому существу славянской природы—свободолюбивой и демократичной, придерживаются лишь рѣдкіе экземпляры славянофильскихъ „зубровъ“. Идеалы современнаго славянофильства и у русскихъ, и, тѣмъ болѣе, у западныхъ и южныхъ славянъ, могутъ быть только либеральными. Въ отношеніи же будущаго политическаго устройства славянскихъ народовъ мечты большинства славянскихъ дѣятелей сводятся къ слѣдующему.

Славянскіе народы должны образовать три независимыхъ федераціи: русско-польскую, чешско-словацкую и сербо-хорватскую. Политически самостоятельныя, эти три отдѣльныя славянскія государства, въ цѣляхъ самозащиты и борьбы съ германизмомъ, должны вступить между собой въ постоянный, возможно тѣсный, военный и экономическій союзъ. Можно надѣяться, что со временемъ и раскаявшаяся въ своихъ антиславянскихъ преступленіяхъ, понесшая заслуженное наказаніе и политически совершено преображенная Болгарія также примкнетъ къ этому общеславянскому союзу,

Для соединенія сѣверныхъ и южныхъ славянъ и для отдѣленія нѣмцевъ отъ венгровъ и румынъ, при опредѣленіи будущихъ границъ чешско-словацкаго и сербо-хорватскаго государствъ, необходимо присоединить къ нимъ

хотя бы узкую полосу земли отъ города Прессбурга (естественной чешско-словацкой гавани на Дунаѣ) къ югу, придерживаясь, поскольку возможно, этнографическихъ границъ распространенія славянскихъ народностей.

Осуществленіе этой славянской мечты должно быть поставлено одной изъ важнѣйшихъ задачъ великой войны. Значеніе и сила современнаго славянофильства въ томъ, что преслѣдуемыя имъ цѣли одинаково отвѣчаютъ какъ высшимъ идеальнымъ стремленіямъ, такъ и чисто практическимъ реальнымъ интересамъ русскаго и каждаго изъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. А въ настоящее время въ торжествѣ славянства заинтересованы и всѣ вообще культурные народы всего міра, какъ въ лучшемъ оплотѣ противъ опаснаго для свободы человѣчества германизма.

Будемъ же всѣ славянофилами. Будемъ много и горячо говорить о необходимости, прежде всего, въ нашихъ собственныхъ русскихъ интересахъ вести славянофильскую политику, преслѣдовать славянскіе политическіе идеалы, чтобы съ корнемъ уничтожить такія сумасшедшія „дипломатическія“ вожделѣнія, какъ, напримѣръ, сохраненіе монархіи Габсбурговъ. Будемъ надѣяться, что и наши общественныя и политическія организаціи, во главѣ съ законодательными палатами, и наша печать, хотя бы, по примѣру французовъ и англичанъ, займутся, наконецъ, серіозно славянскимъ вопросомъ. Дипломаты не разъ портили результаты войны. Русскій народъ,

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

переносящій ужасы нынѣшней войны, долженъ быть увѣренъ, что хотя на этотъ разъ его жертвы напрасно не пропадутъ, въ угоду дипломатической бездарности.

Д. Дмитровскій.

Внѣ времени и пространства.

(Отвѣтъ г. Дмитровскому).

Интересная статья г. Дмитровскаго въ №№ 10-мъ и 11-мъ „Русской Будущности“ наводитъ на серіозныя размышленія. Прошу у редакціи разрѣшенія отвѣтить вкратцѣ на эту статью, такъ какъ со многими положеніями автора я не согласенъ. Общаго у меня съ нимъ одно: горячее желаніе побѣды купно съ отвращеніемъ ко всякому германофильству, и явному, и, въ особенности, я сказалъ бы, тайному, но внѣ этого наши пути расходятся. Полагаю, что корректная полемика между сотрудниками одного и того же печатнаго органа ничего, кромѣ интереса и оживленія, на страницы его не вноситъ; и надѣюсь, что, въ силу хотя бы этого соображенія, редакція, позволивъ высказаться г-ну Дмитровскому, позволитъ нынѣ высказаться и мнѣ (а затѣмъ, можетъ быть, еще разъ ему, и еще разъ — мнѣ...). Выраженіе „**audiatur et altera pars**“ настолько избито, что какъ то совѣстно его и цитировать, но что же дѣлать? можно притянуть и его для вящшей, такъ сказать, убѣдительности.

„Внѣ времени и пространства“... Я такъ озаглавилъ свой отвѣтъ, потому что именно такое впечатлѣніе производитъ—по

крайней мѣрѣ, произвелъ на меня—авторъ статьи „Славянофильство, какъ политика реальныхъ интересовъ“. Можно подумать, что г. Дмитровскій пишетъ не у себя въ кабинетѣ, гдѣ-нибудь на Шпалерной или Галерной, а на какомъ-нибудь Эверестѣ или Эльбрусѣ, откуда ему движеніе небесныхъ свѣтилъ знакомѣе и доступнѣе, чѣмъ движенія земныхъ и, въ частности, россійскихъ ратей, и куда не долетаютъ печальные отзвуки военныхъ превратностей. Да—именно „внѣ времени и пространства“.

Отъ Германіи, оказывается, нужно отдѣлить не только Эльзасъ-Лотарингію и Шлезвигъ-Гольштейнъ, не только колоніи, не только польскія области, но и Восточную и Западную Пруссіи! Что касается Австро-Венгріи, то она не должна существовать вовсе; славянскіе ея народы должны образовать три отдѣльныхъ независимыхъ федераціи: русско-польскую, сербско-хорватскую и чешско-словацкую, причемъ — предусмотрительный человѣкъ г. Дмитровскій! — „для соединенія сѣверныхъ и южныхъ славянъ и для отдѣленія нѣмцевъ отъ венгровъ и румынъ, при опредѣленіи будущихъ границъ чешско-словацкаго и сербско-хорватскаго государствъ, необходимо присоединить къ нимъ хотя бы узкую полосу земли отъ города Пресбурга... къ югу“...

И все это пишется—когда? на двадцатый мѣсяцъ войны, давшей до сихъ поръ въ результатѣ: занятіе нѣмцами или ихъ союзниками части Франціи, всей Бельгіи, всей Сербіи, всей Русской Польши и значительной части Сѣ-

веро Западнаго края, всей Черногоріи и почти всей Албаніи. Врагъ—и какой врагъ!—стоитъ подъ Двинскомъ и Ригой, съ одной стороны, подъ стѣнами Вердена—съ другой, а г.г. мечтатели (да проститъ мнѣ г. Дмитровскій этотъ эпитетъ) говорятъ намъ: „хорошо бы отрѣзать отъ Германіи Эльзасъ и Восточную Пруссію, да и Западную въ придачу; хорошо бы Австро-Венгрію совсѣмъ упразднить, образовавъ на ея развалинахъ три независимыхъ „славянскихъ федераціи“... Написать все это—ахъ, какъ легко, и даже пріятно, а вотъ попробуйте-ка все это сдѣлать. Признаковъ исполненія мечтаній г. Дмитровскаго я что то не вижу.

Житейскій опытъ учитъ насъ, во первыхъ, въ создаваемыхъ нами планахъ, елико возможно, держаться въ рамкахъ дѣйствительности, оперировать съ величинами конкретными, съ фактами реально существующими, а отнюдь не возноситься въ эмпиреи, сколь бы сіи послѣдніе ни были привлекательны. Мечтать объ отторженіи отъ Германіи хотя бы Восточной Пруссіи было, пожалуй, позволительно въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ войны. Но теперь... Неужели сложившаяся конъюнктура не показываетъ намъ наглядно, что представляютъ собою такого рода мечты въ настоящій моментъ?

Во-вторыхъ, тотъ же житейскій опытъ учитъ насъ еще и слѣдующему: умѣть поворотъ, когда этого властно требуютъ обстоятельства, свои прирожденныя симпатіи и антипатіи, и считаться только съ—опять-таки—реальными величинами и интересами.

Говоря это, я имѣю въ виду, въ данномъ случаѣ, Австро-Венгрію. И хотя мои личныя антипатіи и симпатіи мало для кого интересны, упомяну и объ нихъ. И, да проститъ мнѣ великодушно Францъ-Іосифъ: всегда я глубоко ненавидѣлъ его „монархію“, да попутно не очень то благоговѣлъ и передъ нимъ самимъ. Въ древнихъ Аѳинахъ какой то ремесленникъ въ свое время подалъ голосъ за изгнаніе Аристида, потому что ему надоѣло его прозвище „справедливый“. Не менѣе и мнѣ надоѣлъ въ свое время эпитетъ „маститый“, который услужливая наша пресса почему то неизмѣнно пристегивала къ имени Франца-Іосифа и котораго онъ лишился только—по возникновеніи войны! Впрочемъ, были у меня къ этой ненависти причины и болѣе серіозныя. Вспоминалась некрасивая роль того же монарха въ дни крымской кампаніи по отношенію къ облагодѣтельствовавшему его, совершенно не по заслугамъ, Николаю Первому; вспоминались всѣ австрійскія козни и интриги на столь обильно политыхъ русской кровью Балканахъ; вспоминалось, въ особенности, и полное несоотвѣтствіе того пріема, который эти интриги и козни по большей части встрѣчали съ нашей стороны. Не разъ и не два, а сколько разъ, у насъ. вѣдь, шли навстрѣчу австрійскимъ предложеніямъ, неизмѣнно приводившимъ къ тому, что мы оказывались околпаченными. Примѣровъ—сколько угодно.

Поэтому, я не могъ съ радостью не привѣтствовать и лозунга распаденія Австро-Венгріи, каковой лозунгъ одно время открыто

былъ написанъ на нашемъ знамени, чему наглядным доказательствомъ явилось хотя бы воззваніе Великаго Князя къ „народамъ Австро-Венгріи“... И одно время казалось, что осуществленіе этого лозунга не за горами (хотя и за... Карпатами!)... Увы, счастье было такъ близко, такъ возможно... а теперь— теперь оно представляется чѣмъ то весьма далекимъ... Распаденіе Австріи... Что то не похоже на это, увы!

А посему и выкидывать лозунгъ завѣдомо устарѣлый врядъ ли было бы мудро. Не замѣнить ли его другимъ, болѣе своевременнымъ? О распаденіи Австріи говорить въ настоящій моментъ, увы, трудно. Объ ея у м а л е н і и — говорить еще, слава Богу, можно. Поговоримъ же и объ этомъ.

Въ декабрѣ 1914 года — напомню — мною былъ сдѣланъ въ одномъ частномъ домѣ небольшой докладъ о пріемлемости для насъ сепаратнаго мира съ Австро-Венгріей *). Конечно, говоря о мирѣ „сепаратномъ“, я понималъ это слово въ примѣненіи къ Австріи, а не къ Россіи—для которой большаго позора, чѣмъ сепаратный мирный договоръ, въ обычно-понимаемомъ смыслѣ, я себѣ не представляю. Мнѣ казалось въ то время, что потрясенная ударами, нанесенными ей нами и сербами, гнусная дунайская монархія готова, быть можетъ, будетъ пойти на уступки, купивъ миръ цѣною отказа отъ Буковины и Галиціи—въ нашу пользу, и Босніи съ Герцеговиной—въ пользу сербовъ. Мнѣ казалось, что

*) См. „Новое Звено“ 1915 г., № 1, стр. 16.

основательно урѣзанная и проученная и на сѣверѣ, и на югѣ, австро-венгерская монархія намъ опасна не будетъ—въ особенности, лишившись германской поддержки. Шансы же побѣды надъ Германіей, при такомъ сепаратномъ мирѣ, значительно возрастали: силы, дѣйствовавшія первоначально противъ Австріи, могли быть перекинуты на германскій фронтъ; никакихъ новыхъ „выступленій“ съ той стороны ожидать было уже нельзя; за отпаденіемъ Австріи отъ союза наступалъ, очевидно, въ той или иной формѣ конецъ войны нашей съ Турціей—и положеніе сдавленной со всѣхъ сторонъ Германіи становилось поистинѣ отчаяннымъ.

Далѣе, придавая, вообще, очень большое значеніе факторамъ характера нравственнаго, я полагалъ, что, въ случаѣ мира съ Австріей, мы выгадываемъ еще изъ-за того, что вліяніе одного изъ самыхъ могущественныхъ нравственныхъ факторовъ во вселенной: Ватикана, издавна и всячески симпатизирующаго Австро-Венгріи, какъ ультра-католической странѣ, отнынѣ не будетъ работать ей на пользу и противъ насъ. И, въ довершеніе всего, мнѣ казалось, что одно ужъ м у с с и р о в а н і е слуховъ о русско-австрійскомъ мирѣ весьма благопріятно для насъ отразится на позиціи Италіи и Румыніи, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы возможность осуществленія ихъ національныхъ вожделѣній на австрійскій счетъ не улетучилась внезапно у нихъ изъ-подъ носа. Съ тѣхъ поръ, Италія, положимъ, выступила на нашей сторонѣ, но вѣдь, Румынія нейтральна и понынѣ; а, будь съ нами

Румынія, не была бы, очевидно, противъ насъ и—Іудоболгарія. (Отъ „Іуды“, не—„іудеевъ“, оскорблять которыхъ не имѣю никакого желанія).

Кстати, объ этой странѣ. Г. Дмитровскій „не хочетъ оправдывать“ ея (принимая во вниманіе наше россійское прекраснодушіе—и на томъ спасибо), Но—онъ надѣется, что со временемъ эта милая страна „примкнетъ къ общеславянскому союзу“. Я полагаю что въ такихъ сочленахъ сей эвентуальный (и проблематическій) союзъ не нуждается. Какъ бы мы ни были снисходительны, есть предѣлъ терпимости къ предательству и подлости. Намъ не слѣдуетъ переступать этотъ предѣлъ, чтобы не сдѣлаться не то смѣшными, не то чѣмъ-то похуже. Въ дни величайшаго испытанія, когда-либо выпадавшаго намъ на долю; въ моментъ величайшей опасности, когда-либо бывшей удѣломъ Россіи — іудоболгары сознательно, обдуманно, вовсе не по мановенію руки одного Фердинанда, а по влеченію собственнаго чувства, собственныхъ расчетовъ, іудоболгары, говорю я, стали въ ряды нашихъ враговъ, Будемъ помнить это во вѣки вѣковъ; и, разъ что, увы, нельзя отплатить имъ за это такъ, какъ они того заслуживали бы, отдавъ ихъ вновь въ рабство туркамъ: прогнавъ турокъ изъ Арменіи и съ проливовъ и предложивъ имъ въ видѣ компенсаіи Іудоболгарію до Дуная—отплатимъ хоть тѣмъ, что навѣки исключимъ ихъ изъ общеславянскаго общенія, обязуемся никогда мизинцемъ не двинуть на пользу ихъ интересовъ и, буде когда-нибудь пробьетъ для нихъ часъ грозной опасности,—

будемъ привѣтствовать имѣющую обрушиться на нихъ кару, стократъ заслуженную, и всячески ей содѣйствовать...

„Будемъ же славянофилами“, краснорѣчиво взываетъ г. Дмитровскій. Къ этому призыву присоединяюсь и я, но добавлю: „Будемъ все-таки, прежде всего—руссофилами“. Несмотря на многія ошибки, на серіозные передъ славянствомъ грѣхи, для него, думается, сдѣлали мы не мало. Въ 1877—78 г.г. мы освободили все ту же самую Іудоболгарію и тѣмъ согрѣли на груди своей змѣю, которая нынѣ, въ отместку, жестоко насъ жалитъ. Передъ Сербіей мы въ прошломъ, несомнѣнно, виноваты во многомъ: стыдно и вспомнить хотя бы продажу австрійцамъ, за спиною сербовъ, босняковъ и герцеговинцевъ; но, думается мнѣ, потоки крови, нынѣ нами проливаемые, въ конечномъ счету изъ-за Сербіи, отчасти заглаживаютъ наши передъ нею грѣхи... Виноваты мы во многомъ передъ Польшею, но, опять-таки, и тутъ мы свою вину загладимъ, е с л и, завершивъ побѣдоносно войну, сдержимъ то слово, которое въ началѣ полякамъ дали; и сдержимъ, не скупясь, не торгуясь, а—по барски (въ хорошемъ смыслѣ этого слова). А тогда, что же останется намъ дѣлать, какъ не сказать прочимъ славянамъ: „господа, мы для васъ достаточно теперь поработали; останемся же друзьями, останемся, если хотите и „братьями“, но предоставьте намъ, все-таки, быть прежде всего русскими. Желаемъ вамъ всяческаго процвѣтанія и счастія, но отнынѣ задача наша достигнута—пора намъ заняться и своими домашними дѣлами“...

Это—въ случаѣ побѣдоноснаго окончанія войны...

Ну, а—чехо-словаки, хорваты и иные мнози?... Да проститъ мнѣ г. Дмитровскій, но я остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что освобождать тѣхъ, кто освобожденія не хочетъ—по крайней мѣрѣ, не хочетъ активно—едва ли стоитъ. Что бы ни дѣлали многіе отдѣльные чехи—я со стороны чешскаго народа (а это одно насъ и должно интересовать) особенно яркаго порыва къ „освобожденію“ не вижу. И продолжаю думать,—что высказывалъ въ печати и раньше,—что, при единодушномъ, сознательномъ, интенсивномъ желаніи цѣлаго народа скинуть съ себя предполагаемыя оковы—никакими полицейскими мѣрами его не удержишь. И мнѣ кажется, что, будь это желаніе на лицо и у хорватовъ, и у чеховъ, и у другихъ австрійскихъ или венгерскихъ славянъ—серіозное движеніе въ ихъ средѣ возникло бы, хотя бы въ тотъ моментъ, когда, овладѣвъ Перемышлемъ, наши войска стояли на Карпатахъ, и послѣдній часъ „лоскутной“ монархіи казался неминуемымъ. Но никакого подобнаго „движенія“ не произошло. Не нужно, слѣдовательно, и считать, что на насъ лежитъ какой-то долгъ по отношенію къ славянамъ Австро-Венгріи вообще. Мы связаны передъ поляками словомъ: вотъ, это—долгъ; мы связаны передъ союзниками и, въ частности, сербами: это—тоже долгъ, но нравственнаго обязательства „освобождать“ народы, намъ въ этомъ активно не содѣйствующіе, у насъ нѣтъ, не можетъ быть, и стремиться къ такой цѣли, per fas et nefas, черезъ новыя моря русской крови, было бы болѣе, чѣмъ странно.

Если военныя событія въ 1916 году пойдутъ такимъ ходомъ, что Австро-Венгрія распадется и помянутые народы „освободятся“— тѣмъ лучше (откровенно говоря, я въ такую эвентуальность вѣрю мало); если же этого не случится—что же дѣлать? надо будетъ примириться...

Г-ну Дмитровскому кажется, что сохраненіе монархіи Габсбурговъ — „дипломатическое вожделѣніе“ достойное сумасшедшаго. Сильно сказано. Что же, однако, дѣлать если обстоятельства складываются такъ, что къ такому „сумасшествію“ дѣло, какъ будто, и клонится? Неужели нужно, все-таки, итти напроломъ во что бы то ни стало, пренебрегая дѣйствительностью, не обращая вниманія на страшныя жертвы? Всякая разумная программа должна быть въ то же время и программа гибкая. Всякая непримиримость глубоко вредна въ девяносто пяти случаяхъ изъ ста.

О концѣ „монархіи Габсбурговъ“ теперь, на мой взглядъ, говорить поздно: вотъ истина (истина непріятная), съ которой нужно считаться. Не видоизмѣнить ли, слѣдовательно, соотвѣтственнымъ образомъ и программу?

Если такъ обстоитъ дѣло съ Австріей, то что же сказать объ отобраніи отъ Германіи ея польскихъ провинцій, Восточной и Западной Пруссіи и проч.? Считаетъ ли это возможнымъ самъ-то г. Дмитровскій? Представляетъ ли онъ себѣ ужасъ и цѣну тѣхъ препятствій, которыя пришлось бы преодолѣть прежде, чѣмъ добиться такихъ результатовъ? Стоитъ ли ихъ преодолѣвать, да и можно ли ихъ преодолѣть? Вѣдь, не забудемъ,

господа, что врагъ—все еще у Двинска и Риги...

Побѣда—одно; полный разгромъ врага—дѣло совсѣмъ другое. Первое достижимо и теперь; и думаю, что было бы уже достигнуто, если бы... если бы кое-что у кое-кого обстояло не такъ, какъ, увы, обстоитъ. Полный же разгромъ австро-германцевъ, точнѣе: Германіи—едва ли, на мой взглядъ, достижимъ; а то расчлененіе Германіи, о которомъ такъ увлекательно мечтаетъ г. Дмитровскій, и есть такой разгромъ. Думаю, что, дабы осуществить его, пришлось бы переступить черезъ трупъ не то, что послѣдняго нѣмца, а послѣдней—нѣмецкой кошки; вѣдь, отдадимъ справедливость нашимъ врагамъ: мужества, патріотизма и иныхъ достоинствъ у нихъ хоть отбавляй. Разгромъ Германіи есть на мой взглядъ почти что физическая невозможность: слѣдовательно, къ чему о немъ серіознымъ дѣятелямъ и мыслителямъ и разсуждать?

Иное дѣло, повторяю, одержать побѣду вообще—хотя бы и не катаклизмическаго для Германіи характера; иными словами—поставить дѣло такъ, чтобы врагъ былъ вынужденъ просить мира—безъ полной однако, капитуляціи. Вотъ къ чему надлежитъ стремиться. И, хотя многое для сего упущено, многое непоправимо испорчено—я продолжаю вѣрить, что цѣль эта лежитъ въ предѣлахъ досягаемости. Можетъ быть, попутно удастся осуществить и часть программы г. Дмитровскаго и иныхъ ультраславянофиловъ (къ славянофиламъ tout court я причисляю и самого себя). Но,

ради Бога, не будемъ витать въ міровомъ пространствѣ, хватая съ неба звѣзды, а будемъ, наоборотъ, стоять на твердой почвѣ: почвѣ фактовъ и возможностей; не будемъ также слишкомъ руководствоваться чувствомъ, а будемъ смотрѣть трезво въ глаза дѣйствительности, хотя бы и непріятной. Это—первый шагъ къ успѣху *).

Гр. Перовскій-Петрово-Соловово.

PS. На всякій случай, заявляю, что излагаемыя въ настоящей статьѣ мысли принадлежатъ только мнѣ; нужно, вѣдь, все предвидѣть..

---

*) Выше на стр. 21 мною не упомянуто, что приведенному тамъ перечню областей и государствъ, занятыхъ врагомъ, мы, съ своей стороны, можемъ противупоставить часть Арменіи и клочки Месопотаміи, Эльзаса и Галиціи. Исправляю это упущеніе,—но думаю, что общая картина отъ этого мало мѣняется.

„Подъ знакомъ скепсиса“.

(Отвѣтъ гр. Перовскому-Петрово-Соловово).

Возраженіе гр. Перовскаго-Петрово-Соловово на мою статью „Славянофильство, какъ политика реальныхъ интересовъ“ меня чрезвычайно обрадовало. Я радъ, что мой оппонентъ высказалъ съ такой прямотой и откровенностью то, что, къ сожалѣнію, думаютъ многіе, но не рѣшаются сказать во всеуслышаніе. Увы, лозунгъ--„война до полной побѣды“ у многихъ лишь на устахъ, а не въ сердцѣ. Тамъ, въ глубинѣ сердца—малодушное недовѣріе къ своимъ силамъ, малодушная усталость. Это малодушіе прикрывается, правда, чувствомъ гуманности, желаніемъ, по возможности, сократить количество кровавыхъ жертвъ войны. „Довольно крови“, говорятъ сторонники скорѣйшаго заключенія міра, „никакіе славянофильскіе идеалы не стоятъ дальнѣйшихъ сверхчеловѣческихъ страданій русскаго народа“.

Надо ли возражать на это? Не достаточно ли уже говорилось о томъ, насколько близорука такого рода гуманность? Послѣ тѣхъ, дѣйствительно, невѣроятныхъ потоковъ крови и слезъ, которые уже пролиты въ настоящую войну, послѣ всѣхъ тѣхъ экономическихъ и нравственныхъ жертвъ, которыя принесены,

остановиться на полдорогѣ, не довершить начатаго дѣла, было бы безуміемъ. Болѣе того—это было бы преступленіемъ, такъ какъ въ недалекомъ будущемъ возгорѣлась бы новая война, и европейскіе народы были бы обречены на новые ужасы. Германія, разбитая лишь наполовину, безъ сомнѣнія, стала бы жить мечтами о реваншѣ. Гг. „ультра-гуманисты“, пощадите нашихъ дѣтей отъ ужасовъ, которые вы имъ хотите приготовить, благодаря вашему малодушію и вашей преступной (настаиваю на этомъ словѣ) близорукости.

Мнѣ не хочется писать подробнаго опроверженія на статью гр. Перовскаго. Слѣдовало бы, можетъ-быть, указать на нѣкоторыя, допущенныя имъ, неточности, какъ, напримѣръ, утвержденіе, что по отношенію къ славянскимъ народностямъ Австро-Венгріи не было дано никакихъ обѣщаній (а воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго?); слѣдовало бы протестовать противъ обвиненія меня въ ультра-славянофильствѣ (вѣдь, вся моя статья имѣла въ виду, прежде всего, „руссофильскіе“ интересы). Но пусть насъ разсудятъ читатели. Мнѣ хочется привѣтствовать откровенность гр. Перовскаго. Она полезна, какъ удары пожарнаго набата, она предупреждаетъ объ опасности. А опасность эта велика. Если политическіе дѣятели съ честной и гуманной идеологіей, какъ мой оппонентъ, по русскому слабодушію готовы играть въ руку германцамъ, готовы ратовать даже за спасеніе имперіи „маститаго“

Франца-Іосифа, то что же ожидать отъ другихъ, имена ихъ „Ты, Господи, вѣси“?! Даже жутко дѣлается, какъ подумаешь объ этомъ.

Въ защиту (съ моей точки зрѣнія) гр. Перовскаго я поставилъ въ заглавіе этой статьи слова „подъ знакомъ скепсиса“. Такъ озаглавилъ самъ гр. Перовскій недавно изданный имъ сборникъ статей. Въ этомъ знакѣ скепсиса объясненіе и его возраженія на мою статью о славянофильствѣ, которая, въ сущности говоря, имѣетъ цѣлью лишь развитіе лозунга—„побѣда до конца“. Приходится согласиться, что положеніе противниковъ Германіи до сего времени было неблестяще. И для „ультра-скептиковъ“ оптимисты, вѣрующіе въ нашу конечную побѣду, быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ кажутся „внѣ времени и пространства“. Но, господа, бываетъ „безуміе храбрыхъ,“ опрокидывающее всѣ расчеты холоднаго, скептически настроеннаго разсудка. Этимъ безуміемъ въ высшей степени заражена наша армія. Здѣсь, въ тылу, надо быть на уровнѣ съ этой храбростью, хотя бы смѣлостью политической мысли, и не бояться того, что идеалы, которые такая мысль порождаетъ, конечно, и дальше и труднѣе достижимы, чѣмъ порождаемые малодушіемъ и сомнѣніемъ въ своихъ силахъ. Великое время неизбѣжно ставитъ и великія задачи. Нѣмцы съ самаго начала говорили, что войну выиграютъ тѣ, у кого окажутся крѣпче нервы. Они крѣпки у нашего войска. Но результаты побѣды, какъ слѣдуетъ, используютъ только тѣ, у кого шире и опредѣленнѣе политическія задачи.

Въ заключеніе еще одно небольшое замѣчаніе. Мнѣ кажется, что германцы используютъ въ этой войнѣ свои силы до конца (если уже не использовали); и заключить съ ними миръ, сколько-нибудь пріемлемый даже съ точки зрѣнія гр. Перовскаго, возможно будетъ лишь окончательно сломивъ ихъ силы. То-есть, другими словами, отъ такого момента до окончательнаго разгрома Германіи и Австро-Венгріи, придется лишь „добивать“ ихъ. Вотъ тутъ-то, во имя истинной, неблизорукой гуманности, и не надо будетъ смалодушествовать.

Д. Дмитровскій.

Еще два слова.

Едва ли заслуживаетъ пространнаго возраженія отвѣтъ мнѣ г. Дмитровскаго. Вижу теперь, что во многомъ мы, очевидно, сходимся. Идеалы наши, въ сущности, недалеки другъ отъ друга. Но разница между нашими точками зрѣнія та, что я, говоря объ осуществленіи этихъ идеаловъ, склоненъ въ высокой степени считаться съ дѣйствительно создавшимися условіями; мой же оппонентъ стремится „въ даль“, „въ высь“. Лозунгъ его какъ-будто смахиваетъ на пресловутое „или все—или ничего“. Каюсь, никогда не признавалъ и не признаю такого лозунга

Съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы я полнѣйшее расчлененіе Германіи и упраздненіе Австро-Венгріи „за ненадобностью“—какъ было провозглашено въ началѣ войны на одной изъ славянскихъ трапезъ. И перспектива видѣть Вильгельма II, отнынѣ коротающаго дни свои въ клѣткѣ, а эксъ-„маститаго“ Франца-Іосифа, дни свои доживающаго на какомъ-нибудь островкѣ и на скромной пенсіи—ничего, кромѣ тихой радости, во мнѣ не возбуждала бы. Но, увы, вѣдь, явно неосуществимы не только такіе „идеалы“, но и куда болѣе скромные...

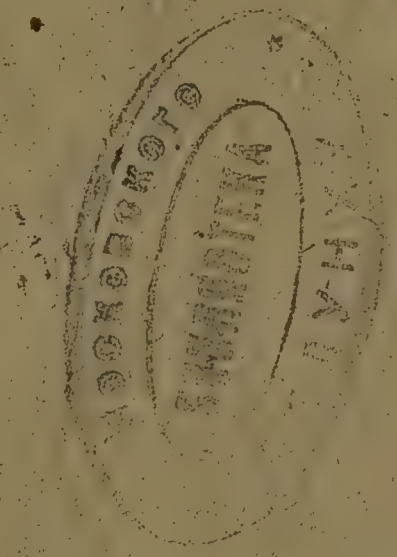
„Бываетъ“, пишетъ г. Дмитровскій, „безуміе храбрыхъ, опрокидывающее всѣ расчеты холоднаго, скептически настроеннаго разсудка... Здѣсь, въ тылу, надо быть на уровнѣ съ этой храбростью, хотя бы смѣлостью политической мысли“... Позиція — несомнѣнно, удобная и для г. Дмитровскаго, и для меня

грѣшнаго—что и говорить. Но мнѣ, все-таки, кажется, что вполнѣ пренебрегать требованіями гуманности во имя достиженія хотя бы самыхъ соблазнительныхъ цѣлей, отнюдь не слѣдуетъ, а тѣмъ паче тогда, когда мы не имѣемъ никакихъ гарантій, что цѣлей этихъ сможемъ достигнуть, сколь бы мы требованіями гуманности ни пренебрегали...

Не желаю оставлять мѣста какимъ бы то ни было недоразумѣніямъ. Въ „германофильствѣ“ ни явномъ, ни тайномъ, я рѣшительно не повиненъ — хотя и не скрою, что кое-какіе русскіе, съ чисто русскими фамиліями, мнѣ ненавистны куда болѣе самыхъ завзятыхъ нѣмцевъ... „Сепаратный“ миръ Россіи съ Австро Германіей считалъ бы величайшимъ несчастіемъ и позоромъ. Побѣды — и побѣды возможно полной — желаю всѣми фибрами своего существа. Но, при всемъ томъ... дѣйствительно, остаюсь скептикомъ во многомъ.

Въ одномъ, однако, я рѣшительно несогласенъ съ г-номъ Дмитровскимъ: это—въ томъ, что на насъ, на Россіи, якобы лежитъ какое-то нравственное обязательство „освобождать“ отъ австрійскаго „ига“ славянъ, рѣшительно ничего не дѣлающихъ (за отдѣльными исключеніями), чтобы отъ ига избавиться.

Что такое обязательство на насъ будто бы лежитъ—не смогутъ меня убѣдить никакія „воззванія“; и я скажу: тѣмъ хуже для тѣхъ, кто этихъ „воззваній“ своевременно не понялъ, а если, и понялъ—пропустилъ мимо ушей...

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Перовскій-Петрово-Соловово.